

ВАНИНА ВАНИНИ,
или
**Подробности о последней венте карбонариев,
раскрытой в Папской области**

Это случилось весенним вечером 182... года. Весь Рим был охвачен волнением: пресловутый банкир герцог де Б. давал бал в новом своем дворце на Венецианской площади. В убранстве этого дворца сочеталось все великолепие искусства Италии и все ухищрения лондонской и парижской роскоши. Съехалось множество гостей. Английские аристократки — чопорные белокурые красавицы — сочли за честь появиться на балу у банкира. Они слетелись целым роем. Красивейшие женщины Рима соперничали с ними прелестью.

В залу вошла под руку с отцом молодая девушка: сверкающие глаза и волосы, черные, как вороново крыло, изобличали в ней римлянку; все взгляды устремились на нее. В каждом ее движении сквозила необычайная гордость.

Гостей-иностранцев поражала пышность этого бала. «Никакие празднества монархов Европы не могут с ним сравниться», — говорили они.

У монархов Европы нет дворцов, созданных итальянским зодчеством; они вынуждены приглашать своих придворных дам, между тем как герцог

де Б. приглашал только красивых женщин. В этот вечер его выбор оказался особенно удачен: мужчины были ослеплены. Собралось столько пленительных женщин, что трудно было решить, кому отдать пальму первенства. Но после недолгих колебаний царицей бала единодушно провозгласили княжну Ванину Ванিনি, черноволосую девушку с огненным взором. Тотчас же иностранцы и молодые римляне, покинув гостиные, столпились в бальной зале.

Отец девушки, князь Аздрубале Ванিনি, пожелал, чтобы она прежде всего протанцевала с двумя-тремя немецкими владетельными принцами. Затем она приняла приглашение нескольких англичан, весьма красивых и весьма знатных, но их накрахмаленный вид наскучил ей. Больше удовольствия ей, казалось, доставляло мучить молодого Ливио Савелли, по-видимому страстно в нее влюбленного. Ливио был одним из самых блестящих молодых людей в римском обществе и тоже носил княжеский титул; но, если б ему дали почитать какой-нибудь роман, он на двадцатой странице отбросил бы книгу, заявив, что у него разболелась голова; в глазах Ванины это было большим недостатком.

Около полуночи на балу распространилась новость, которая вызвала много разговоров. В этот самый вечер из крепости Святого Ангела бежал, перерядившись, содержащийся в заключении молодой карбонарий; уже достигнув последних ворот тюрьмы, он в пылу романтической отваги напал с кинжалом на солдат охраны, но его самого тоже

ранили. Сбирь гонятся за ним по кровавым следам и надеются поймать его.

Пока все толковали об этом побеге, дон Ливио Савелли, восхищенный прелестью и успехом Ванины, почти обезумев от любви, воскликнул, провожая ее к креслу после танцев:

— Но скажите, бога ради, кто мог бы понравиться вам?

— Молодой карбонарий, бежавший сегодня из крепости. По крайней мере, он что-то совершил, а не только дал себе труд родиться.

Князь Аздрубале подошел к дочери. Этот богач уже двадцать лет не требовал отчета от своего управителя, а тот давал ему в долг под весьма высокие проценты его же собственные деньги. Встретив князя на улице, вы приняли бы его за старого актера; вы даже не заметили бы, что пальцы у него унизаны массивными перстнями с очень крупными бриллиантами. Оба его сына вступили в орден иезуитов, затем сошли с ума и умерли. Он забыл их, а на свою единственную дочь Ванину гневался за то, что она не выходит замуж. Девушке уже девятнадцать лет, а она отвергает самые блестящие партии. В чем тут причина? Причина была та же самая, которая побудила Суллу отречься от власти: презрение к римлянам.

Наутро после бала Ванина заметила, что ее отец, человек на редкость беззаботный, никогда в жизни не бравший в руки ключа, чрезвычайно старательно запер дверь на узкую лесенку, которая вела в комнаты, расположенные на четвертом этаже дворца. Окна этих комнат выходили на

террасу, заставленную апельсиновыми деревцами в кадках.

Ванина отправилась в город с визитами; когда она возвращалась, парадный подъезд был загроможден сооружениями для иллюминации, и карета въехала через задний двор. Ванина подняла глаза и, к удивлению своему, увидела, что в одной из комнат, которые так тщательно запер ее отец, отворено окно. Отделавшись от своей компаньонки, она поднялась на чердак и, поискав, нашла там забранное решеткой окошечко напротив террасы с апельсиновыми деревьями. Раскрытое окно, заинтриговавшее ее, было в двух шагах. В комнате, очевидно, кто-то поселился. Но кто?

На следующий день Ванине удалось достать ключ от дверцы, которая вела на террасу с апельсиновыми деревьями. Крадучись, она подошла к окну — оно все еще было открыто. Ванина спряталась за решетчатым ставнем. У задней стены комнаты она увидела кровать. Кто-то лежал на ней. Ванина смутилась, хотела убежать, но вдруг заметила женское платье, брошенное на стул. Присмотревшись, она различила на подушке белокурую голову; лицо показалось ей совсем юным. Теперь она уже не сомневалась, что это женщина. Платье, брошенное на стул, было все в крови; кровь запеклась и на женских туфлях, стоявших на столе. Незнакомка пошевелилась, и тогда Ванина заметила, что она ранена: грудь ей стягивала полотняная повязка, на которой расплылось кровавое пятно; повязку придерживали какие-то те-

семки — видно было, что она сделана отнюдь не руками хирурга.

Ванина стала замечать, что теперь ее отец ежедневно около четырех часов дня запирается в своих комнатах, а затем идет навещать незнакомку; он оставался у нее очень недолго, а возвратившись, тотчас же садился в карету и отправлялся к графине Вителлески. Как только он уезжал, Ванина поднималась на маленькую террасу и наблюдала за незнакомкой. Она чувствовала глубокую жалость и симпатию к столь юной, столь несчастной женщине и пыталась разгадать ее историю. Окровавленное платье, брошенное на стул, казалось, было изодрано ударами кинжала. Ванина могла сосчитать на нем дыры.

Однажды она более отчетливо разглядела незнакомку: та лежала неподвижно, устремив в небо голубые глаза, словно молилась, и вдруг ее прекрасные глаза наполнились слезами. В эту минуту княжна едва удержалась, чтобы не заговорить с нею.

На следующий день Ванина решила спрятаться на террасе перед появлением отца. Она видела, как дон Аздрубале вошел к незнакомке; он нес в руке корзиночку с провизией. Князь явно был встревожен, говорил мало и так тихо, что Ванина ничего не расслышала, хотя он не притворил застекленную дверь. Он вскоре ушел.

«Должно быть, у этой бедняжки очень опасные враги, — подумала Ванина, — раз мой отец, человек такой беспечный, не смеет никому довериться

и ежедневно сам поднимается сюда по крутой лестнице в сто двадцать ступеней».

Однажды вечером, когда Ванина, осторожно приблизившись, заглянула в окно, взгляд ее встретился со взглядом незнакомки, и все открылось. Ванина бросилась на колени и воскликнула:

— Я люблю вас, я ваш друг!

Незнакомка жестом попросила ее войти.

— Простите меня, простите, пожалуйста, — твердила Ванина. — Наверно, мое глупое любопытство кажется вам оскорбительным. Клянусь, я все сохранию в тайне, а если вы пожелаете, я больше никогда не приду.

— Для кого не было бы счастьем видеть вас! — сказала незнакомка. — Вы живете здесь, в этом дворце?

— Конечно, — ответила Ванина. — Но вы, по видимому, не знаете меня: я Ванина, дочь князя Аздрубале.

Незнакомка удивленно взглянула на нее и, густо покраснев, добавила:

— Позвольте мне надеяться, что вы будете приходить каждый день, но я не хотела бы, чтобы князь знал об этом.

Сердце у Ванины сильно билось. Все манеры незнакомки казались ей исполненными достоинства. Эта несчастная молодая женщина, вероятно, оскорбила какое-то могущественное лицо, а может быть, в порыве ревности убила своего возлюбленного. Ванина и мысли не допускала, чтобы причина ее несчастий могла быть заурядной. Не-

знакомка сказала, что она ранена в плечо и в грудь и ей очень больно. Часто у нее идет горлом кровь.

— И к вам не пригласили хирурга? — воскликнула Ванина.

— Вы же знаете, что в Риме, — сказала незнакомка, — хирурги обязаны немедленно сообщать в полицию о всех раненых, которых они лечат. Князь так милостив, что сам перевязывает мне раны вот этим полотном.

Незнакомка с благородной сдержанностью избегала сетовать на свои несчастья. Ванина была без ума от нее. Только одно очень удивляло княжну: она не раз замечала, что во время серьезного разговора незнакомка сдерживала внезапное желание засмеяться.

— Мне хотелось бы знать ваше имя, — сказала княжна.

— Меня зовут Клементина.

— Так вот, дорогая Клементина, завтра в пять часов я приду навестить вас.

На следующий день Ванина увидела, что ее новой подруге стало хуже.

— Я позову к вам хирурга, — сказала Ванина, целуя ее.

— Нет, лучше умереть! — возразила незнакомка. — Я ни за что не соглашусь повредить своим благодетелям.

— Подождите! Хирург монсиньора Савелли-Катанцара, губернатора Рима, — сын одного из наших слуг, — торопливо заговорила Ванина. — Он привязан к нам, а благодаря своему положению может никого не бояться. Напрасно мой отец

не доверяет его преданности. Я сейчас пошлю за ним.

— Не надо, не надо! — воскликнула незнакомка с волнением, удивившим Ванину. — Приходите навещать меня, а если Бог призовет меня к себе, я буду счастлива умереть на ваших руках.

На другой день незнакомке стало совсем плохо.

— Если вы любите меня, — сказала ей Ванина на прощание, — согласитесь принять хирурга.

— Если он придет, счастье мое рухнет.

— Я пошлю за хирургом, — настаивала Ванина.

Незнакомка, не отвечая, удержала ее и приникла губами к ее руке. Наступило долгое молчание; у незнакомки слезы навернулись на глаза. Наконец она выпустила руку Ванины и с таким видом, будто шла на смерть, сказала:

— Я должна вам признаться: позавчера я солгала, назвав себя Клементиной. Я — несчастный карбонарий...

Ванина удивленно взглянула на нее, отодвинулась и встала со стула.

— Чувствую, — продолжал карбонарий, — что этим признанием я лишил себя единственной отрады, которая еще привязывает меня к жизни. Но я не хочу обманывать вас, это недостойно меня. Мое имя — Пьетро Миссирилли, мне девятнадцать лет; мой отец — бедный хирург в Сант-Анджело-ин-Вадо; я карбонарий. Нашу венту раскрыли. Меня в оковах привезли из Романьи в Рим, бросили в темный каземат, днем и ночью освещенный лишь маленькой лампочкой; там я провел

тринадцать месяцев. Одной сострадательной душе явилась мысль спасти меня. Меня переодели в женское платье. Когда я вышел из тюрьмы и уже достиг последних ворот, один из караульных гнусно поносил карбонариев; я дал ему пощечину. Уверяю вас, я это сделал не из бесцельной удали — я просто забылся. Из-за этой моей опрометчивости за мной погнались по улицам Рима, и вот, в ночной темноте, раненный штыками, теряя силы от потери крови, я бросился в открытую дверь чьего-то дома. Слышу, солдаты бегут по лестнице за мной. Я прыгнул из окна в сад и упал в нескольких шагах от какой-то женщины, которая прогуливалась по аллее.

— Графиня Вителлески? Приятельница моего отца? — сказала Ванина.

— Как! Разве она вам говорила? — воскликнул Миссирилли. — Кто бы ни была эта дама, она спасла мне жизнь; имени ее никогда не надо проносить. Когда солдаты ворвались к ней, чтобы схватить меня, ваш отец уже увозил меня в своей карете... Мне плохо, очень плохо: вот уже несколько дней штыковая рана в плече не дает мне дышать. Я скоро умру и умру в отчаянии, оттого что больше не увижу вас...

Ванина слушала его нетерпеливо и поспешила уйти; Миссирилли не увидел в ее прекрасных глазах ни тени сострадания, а только оскорбленную гордость.

Ночью к нему явился хирург; он пришел один. Миссирилли был в отчаянии: он боялся, что больше никогда не увидит Ванину. Он стал расспраши-

вать хирурга; тот пустил ему кровь, но на вопросы ничего не отвечал. То же молчание и в следующие дни. Пьетро не сводил глаз с застекленной двери, в которую обычно входила с террасы Ванина. Он чувствовал себя глубоко несчастным. Однажды, около полуночи, ему показалось, что кто-то стоит в темноте на террасе. Неужели Ванина?

Ванина приходила каждую ночь и, приникнув к застекленной двери, смотрела на него.

«Если я заговорю с ним, — думала она, — я погибла! Нет, я больше никогда не должна его видеть».

Но, вопреки своему решению, Ванина невольно вспоминала, какую дружбу она чувствовала к этому юноше, когда так простодушно считала его женщиной. И после столь задушевной близости позабыть его? В минуты благоразумия Ванину пугало, что все для нее как-то странно изменилось с тех пор, как Миссирилли открыл свое имя, — все, о чем она прежде думала, все, что постоянно видела вокруг, отошло куда-то, заволось туманом.

Не прошло и недели, как Ванина, бледная, дрожащая, вошла вместе с хирургом в комнату карбонария. Она явилась сказать, что надо уговорить князя, чтобы он передал уход за больным кому-нибудь из слуг. Она пробыла только минуту, но несколько дней спустя опять пришла вместе с хирургом — из чувства человеколюбия. Однажды вечером, хотя Миссирилли стало уже гораздо лучше и у Ванины больше не было оснований

бояться за его жизнь, она дерзнула прийти одна. Увидев ее, Миссирилли почувствовал себя на вершине блаженства, но постарался скрыть свою любовь: прежде всего он не желал уронить свое достоинство, как и подобает мужчине. Ванина вошла к нему в комнату, стгорая от стыда, боясь услышать любовные речи, и была очень опечалена, что он встретил ее словами дружбы, благородной, преданной дружбы, но без единой искры нежности.

Когда она собралась уходить, Пьетро даже не пытался удержать ее.

Через несколько дней она пришла опять. Встреча была точно такая же: те же почтительные уверения в преданности и вечной признательности. Ванина теперь совсем не стремилась охладить восторги юного карбонария: напротив, она боялась, что он не разделяет ее любви. Девушка, прежде столь гордая, с горечью почувствовала, как велико ее безумство. Она старалась казаться веселой, даже равнодушной, стала бывать реже, но никак не могла решиться совсем отказаться от посещений больного.

Миссирилли горел любовью, но, помня о своем низком происхождении и оберегая свое достоинство, решил, что позволит себе заговорить о любви лишь в том случае, если целую неделю не увидит Ванины. Гордая княжна оборонялась стойко.

«Ну что ж! — сказала она себе. — Я навещаю его, мне это приятно, но я никогда не признаюсь ему в своих чувствах».

Она подолгу засиживалась у больного, а он разговаривал с нею так, словно их слушали двадцать человек. Однажды вечером, после того как Ванина весь день ненавидела его и давала себе обещание держаться с ним еще холоднее, еще суровее, чем обычно, она вдруг сказала ему, что любит его. Вскоре они всецело отдались своему чувству.

Итак, безумство Ванины оказалось безмерным, но, надо признаться, она была совершенно счастлива. Миссирилли уже не старался оберегать свое мужское достоинство: он любил, как любят первой любовью в девятнадцать лет, как любят в Италии. С чистосердечием беззаветной страсти он даже признался гордой княжне, какую тактику применил, чтобы добиться ее взаимности. Он был счастлив и сам дивился, что можно быть таким счастливым.

Четыре месяца пролетели незаметно. И вот настал день, когда хирург возвратил больному свободу.

«Что мне теперь делать? — думал Миссирилли. — По-прежнему скрываться у одной из красивейших в Риме женщин? А подлые тираны, державшие меня тринадцать месяцев в темнице, где я не видел солнечного света, подумают, что они сломили меня. Италия, ты поистине несчастна, если твои сыны способны так легко покинуть тебя!»

Ванина не сомневалась, что для Пьетро будет величайшим счастьем навсегда остаться с нею: он и в самом деле казался вполне счастливым. Но

злая шутка генерала Бонапарта горьким упреком звучала в душе этого юноши и влияла на его отношение к женщинам. В 1796 году, когда генерал Бонапарт покидал Брешию, городские власти, провожавшие его до заставы, сказали ему, что жители Брешии чтят свободу больше, чем все остальные итальянцы. «Да, — ответил он, — они любят разглагольствовать о ней со своими возлюбленными».

Пьетро несколько смущенно сказал Ванине:

— Сегодня, как только стемнеет, мне надо выбраться отсюда.

— Постарайся, пожалуйста, вернуться до рассвета. Я буду ждать тебя.

— На рассвете я уже буду в нескольких милях от Рима.

— Вот как! — холодно сказала Ванина. — А куда же вы пойдете?

— В Романию, отомстить за себя.

— Я богата, — продолжала Ванина самым спокойным тоном. — Надеюсь, вы примете от меня оружие и деньги.

Миссирилли несколько мгновений пристально смотрел ей в глаза и вдруг сжал ее в объятиях.

— Моя душа, жизнь моя! Ты все заставишь меня позабыть, даже мой долг, — сказал он. — Но ведь у тебя такое благородное сердце, ты должна понять меня.

Ванина пролила много слез, и было решено, что он уйдет из Рима только через день.

— Пьетро, — сказала она на следующий день, — вы часто говорили мне, что человек с именем —

ну, например, римский князь, — и к тому же располагающий большим состоянием, мог бы оказать делу свободы большие услуги, если когда-либо Австрия вступит в серьезную войну вдали от наших границ.

— Разумеется, — удивленно сказал Пьетро.

— Ну так вот! Вы отважный человек, вам недостает только высокого положения; я вам предлагаю свою руку и двести тысяч ливров дохода. Согласия отца я добьюсь.

Пьетро бросился к ее ногам. Ванина вся сияла от радости.

— Я люблю вас страстно, — сказал он, — но я бедняк, и я слуга своей родины. Чем несчастнее Италия, тем больше должен я хранить верность ей. Чтобы добиться согласия дона Аздрубале, мне пришлось бы несколько лет играть жалкую роль. Ванина, я отказываюсь от тебя!

Миссирилли спешил связать себя этими словами: мужество его ослабевало.

— На свою беду, — воскликнул он, — я люблю тебя больше жизни, и покинуть Рим для меня страшнее пытки! Ах, зачем Италия еще не избавлена от варваров! С какой радостью я уехал бы с тобою в Америку.

Ванина вся похолодела. Ее руку отвергли! Гордость ее была уязвлена. Но через минуту она бросилась в объятия Миссирилли.

— Никогда еще ты не был мне так дорог! — воскликнула она. — Да, я твоя навеки... Милый мой деревенский лекарь, ты велик, как наши древние римляне!

Все заботы о будущем, все унылые советы благоразумия позабылись. Это было мгновение чистой любви. И когда они уже были в состоянии говорить рассудительно, Ванина сказала:

— Я приеду в Романью почти одновременно с тобою. Я прикажу прописать мне лечение на водах в Поретто. Остановлюсь я в нашем замке Сан-Николо, близ Форли...

— И там жизнь моя соединится с твоею! — воскликнул Миссирилли.

— Отныне мой удел на все дерзать, — со вздохом сказала Ванина. — Я погублю свою честь ради тебя, но все равно... Будешь ли ты любить опозоренную девушку?

— Разве ты не жена мне? — воскликнул Миссирилли. — Обожаемая жена! Я вечно буду тебя любить и сумею постоять за тебя.

Ванине нужно было ехать в гости. Едва Миссирилли остался один, как его поведение показалось ему варварским. «Что такое родина? — спрашивал он себя. — Ведь это не какое-нибудь живое существо, к которому мы обязаны питать признательность за благодеяния и которое станет несчастным и будет проклинать нас, если мы изменим ему. Нет, родина и свобода — это как мой плащ: полезная одежда, которую я должен купить, если только не получил ее в наследство от отца. В сущности, я люблю родину и свободу потому, что они мне полезны. А если они мне не нужны, если они для меня как теплый плащ в летнюю жару, зачем мне покупать их, да еще за столь дорогую цену? Ванина так хороша и так необычайна!

За ней будут ухаживать, она позабудет меня. У какой женщины бывает только один возлюбленный? Как гражданин, я презираю всех этих римских князей, но у них столько преимуществ передо мною! Они, должно быть, неотразимы! Да, если я уйду, она позабудет меня, и я навсегда ее потеряю».

Ночью Ванина пришла навестить его. Пьетро рассказал ей о своих колебаниях и о том, как под влиянием любви к ней в душе его возник странный спор о великом слове «родина». Ванина ликовала.

«Если ему придется выбирать между мной и родиной, — думала она, — он отдаст предпочтение мне».

На соседней колокольне пробило три часа. Настала минута последнего прощания. Пьетро вырвался из объятий своей подруги.

Он уже стал спускаться по лестнице, как вдруг Ванина, сдерживая слезы, сказала ему с улыбкой:

— Послушай, если бы во время твоей болезни о тебе заботилась какая-нибудь деревенская женщина, разве ты ничем не отблагодарил бы ее? Разве не постарался бы заплатить ей? Будущее так неверно! Ты уходишь, в пути вокруг тебя будет столько врагов! Подари мне три дня, заплати мне за мои заботы, как будто я бедная крестьянка.

Миссирилли остался.

Наконец он покинул Рим и благодаря паспорту, купленному в иностранном посольстве, достиг родительского дома. Это была для семьи великая радость: его уже считали умершим.